Дата поступления рукописи в редакцию: 03.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-39-44

СТУС Нина Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала ФГБУОВО
«Российский государственный университет правосудия»,
Россия, 350020, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234,
e-mail: ninastus@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА АДАПТИВНОЙ РЕТРАНСЛЯЦИИ НОРМЫ: ДОКТРИНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ С НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ АДРЕСАТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ НАПУТСТВЕННОГО СЛОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ)

Аннотация. В статье с теоретико-правовых позиций обосновывается адаптивная ретрансляция правовой нормы как самостоятельная операция юридической техники, обеспечивающая преодоление когнитивно-нормативной асимметрии между профессиональным субъектом и непрофессиональным адресатом правовой коммуникации. На материале напутственного слова председательствующего в суде присяжных выявляется триада юридико-технических императивов адаптивной ретрансляции – денотативное тождество нормы, перцептивная конгруэнтность и аксиологическая нейтральность, – раскрывается их внутренняя антиномичность и предлагается механизм ее снятия через категорию функционального эквивалента. Определяются институциональные пределы усмотрения председательствующего и конституционно-правовое значение качества правовой коммуникации как условия реализации права граждан на участие в отправлении правосудия.

Ключевые слова: юридическая техника, правовая коммуникация, непрофессиональный адресат, когнитивно-нормативная асимметрия, денотативное тождество, перцептивная конгруэнтность, аксиологическая нейтральность, напутственное слово, суд присяжных.

STUS Nina Vladimirovna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education «Russian State University of Justice»

LEGAL TECHNIQUE OF ADAPTIVE RELATIONSHIP OF A NORMA: A DOCTRINAL MODEL OF LEGAL COMMUNICATION WITH A NON-PROFESSIONAL ADDRESSEE (BASED ON THE OPENING ADDRESS OF THE PRESIDING JUDGE IN A JURY TRIAL)

Annotation. This article, from a theoretical and legal perspective, substantiates the adaptive retranslation of legal norms as an independent legal technical operation that overcomes the cognitive-normative asymmetry between the professional subject and the non-professional recipient of legal communication. Using the presiding judge's opening remarks in a jury trial, it identifies a triad of legal-technical imperatives of adaptive retranslation – the denotative identity of the norm, perceptual congruence, and axiological neutrality – and reveals their inherent antinomy. A mechanism for resolving this antinomy is proposed through the category of functional equivalent. The institutional limits of the presiding judge's discretion are defined, as well as the constitutional and legal significance of the quality of legal communication as a condition for realizing citizens' rights to participate in the administration of justice.

Key words: legal technique, legal communication, non-professional addressee, cognitive-normative asymmetry, denotative identity, perceptual congruence, axiological neutrality, parting words, jury trial.

Введение

Право по своей институциональной природе адресовано преимущественно профессиональному сообществу: законодатель конструирует норму средствами специализированного языка, рассчитанного на владение герменевтическим инструментарием юридической доктрины. Между тем значительная часть актов правореализа-

ции адресована лицам, не обладающим таким инструментарием, – потерпевшему, свидетелю, участнику административных правоотношений, наконец, присяжному заседателю. Возникающий разрыв между нормативной сложностью правового текста и когнитивными ресурсами его непрофессионального адресата долгое время оставался на периферии теоретико-правового знания: понятность правового текста исследовалась преимущественно в юрислингвистике [1], а юридическая техника –применительно к правотворчеству, то есть к операциям адресанта над текстом нормы, а не к операциям над ее последующей ретрансляцией непрофессиональному получателю.

Вместе с тем между правотворческой юридической техникой и техникой толкования права существует самостоятельный, институционально обособленный технико-юридический слой – техника адаптивной ретрансляции нормы, задача которой состоит не в создании нормативного текста и не в раскрытии его смысла для профессионального правоприменителя, а в приведении уже истолкованного нормативного содержания в состояние, воспринимаемое непрофессиональным сознанием, без утраты этим содержанием его нормативного объема. Наиболее чистым, процессуально формализованным и практически верифицируемым образцом такой техники выступает напутственное слово председательствующего в суде присяжных (ст. 340 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2]) – единственная известная российскому процессуальному праву коммуникативная процедура, дефектность которой прямо и самостоятельно влечет отмену состоявшегося судебного постановления. Именно эта процессуальная санкционированность делает напутственное слово наиболее предпочтительным эмпирическим материалом для построения общей доктринальной модели.

Место техники адаптивной ретрансляции нормы в системе видов юридической техники

Юридическая техника есть категория родовая, объединяющая несколько видовых технико-юридических комплексов, различающихся по предмету и результату деятельности. Классическая советская и постсоветская доктрина различала как минимум три относительно самостоятельных уровня юридической техники – правотворческий (техника подготовки и оформления текстов нормативных правовых актов), правоприменительный (техника подготовки индивидуальных правовых актов и, в частности, техника интерпретации, то есть раскрытия содержания нормы применительно к конкретному случаю) и систематизационный (техника кодификации, консолидации, учета нормативного массива) [3, с. 84]. Более того, даже в рамках узкого, правотворческого понимания юридической техники доктрина не достигла терминологического единства: справедливо отмечается, что отсутствие четкого уяснения природы данной категории затрудняет решение как научных, так и практических вопросов, связанных с рациональной организацией законотворчества, реализацией правовых актов, их интерпретацией и систематизацией [4, с. 71]. Иными словами, само требование определенности понятия юридической техники распространяется доктриной не только на правотворческий ее сегмент, но и на смежные с ним области, что прямо предполагает существование юридической техники за пределами создания нормативного текста.

Техника, о которой идет речь в настоящей статье, занимает в этой системе особое положение: она вторична по отношению к интерпретации в узком смысле (раскрытию смысла нормы для профессиональных целей правоприменения), но первична по отношению к результату всей коммуникации – фактическому восприятию нормы непрофессиональным адресатом. Отсюда следует принципиальный тезис: техника адаптивной ретрансляции нормы не заменяет интерпретацию и не является ее суррогатом, а представляет собой следующий, самостоятельный этап технико-юридической деятельности, применяемый к уже истолкованному содержанию нормы. Ошибка на этапе ретрансляции, таким образом, не тождественна ошибке толкования: председательствующий может истолковать норму безупречно и одновременно юридико-технически некорректно разъяснить истолкованное присяжным, и именно этот разрыв между корректностью толкования и корректностью разъяснения образует специфический предмет теоретического анализа, до сих пор не получивший должного внимания.

Существенно для обоснования самостоятельности данного технико-юридического уровня и следующее наблюдение: сама презумпция знания закона *(ignorantia juris non excusat),* на которой строится вся конструкция юридической ответственности, логически предполагает принципиальную познаваемость правового предписания его адресатом. Однако эта познаваемость обеспечивается не одним лишь фактом опубликования нормативного текста, а всей совокупностью механизмов, посредством которых содержание нормы становится доступным сознанию адресата, включая механизмы прямого, ситуативного разъяснения нормы применительно к конкретному случаю ее применения. Там, где законодатель прямо институционализирует такое разъяснение как обязательный элемент процессуальной формы (как это сделано применительно к напутственному слову), презумпция знания закона получает дополнительное, процессуально обеспеченное основание; там же, где подобный институт отсутствует, познаваемость права для непрофессионального адресата остается фикцией, не подкрепленной реальным технико-юридическим механизмом ее осуществления.

Объектом техники адаптивной ретрансляции нормы выступает не норма как таковая, а норма

в единстве с конкретным юридическим фактом и конкретным непрофессиональным адресатом; субъектом – уполномоченный правоприменитель, наделенный одновременно и интерпретационной компетенцией, и обязанностью довести результат толкования до сведения адресата в форме, обеспечивающей действительное восприятие. Результатом разъяснительной техники служит не новый нормативный или индивидуальный правовой акт, а сформированный в сознании адресата правовой образ нормы, пригодный для его последующего самостоятельного применения адресатом к установленным фактам, что принципиально отличает данную технику от всех прочих видов юридической техники, результат которых остается у самого субъекта деятельности.

Когнитивно-нормативная асимметрия как онтологическое основание правовой коммуникации с непрофессиональным адресатом

Под непрофессиональным адресатом правовой коммуникации мы понимаем субъекта, включенного в орбиту правоприменения не в качестве интерпретатора, обладающего доктринально верифицированной герменевтической компетенцией, а в качестве получателя нормативного правового предписания, лишенного специализированного инструментария его декодирования. Этим непрофессиональный адресат принципиально отличается от правоприменителя: последний воспринимает норму через призму профессионального правосознания, опосредованного юридическим образованием, судебной и доктринальной традицией [5, с. 123-124]; первый же вынужден воспринимать норму непосредственно, минуя это опосредование, но будучи при этом обязанным – в силу властного характера правового предписания – действовать в соответствии с ее содержанием.

Разрыв между профессиональным и непрофессиональным восприятием нормы мы предлагаем обозначить категорией когнитивно-нормативной асимметрии. Данная асимметрия имеет триадическую структуру источников.

Во-первых, асимметрия терминологическая: специальная юридическая лексика (составообразующие признаки, квалифицирующие обстоятельства, оценочные и бланкетные понятия) не имеет прямых эквивалентов в обыденном языке либо имеет эквиваленты, искажающие объем юридического понятия.

Во-вторых, асимметрия структурная: нормативная конструкция строится на приемах, рассчитанных на профессиональное восприятие, – отсылках, презумпциях, фикциях, системных связях между нормами, – распознавание которых требует владения структурой нормативного массива в целом, а не отдельным его фрагментом.

В-третьих, асимметрия аксиологическая: профессиональное правосознание оперирует имплицитными ценностными презумпциями (презумпция невиновности, состязательность, недопустимость произвольного расширения уголовной репрессии), интериоризированными в процессе юридической социализации и потому не нуждающимися в профессиональной среде в специальном проговаривании, тогда как для непрофессионального сознания эти презумпции неочевидны и должны быть эксплицированы.

Существенно, что когнитивно-нормативная асимметрия не является дефектом правовой системы, подлежащим устранению посредством упрощения самого нормативного текста: такое упрощение обесценило бы регулятивный потенциал права, рассчитанный в первую очередь на профессионального

адресата – правоприменителя, законодателя будущего, доктрину [6, с. 375]. Асимметрия есть структурная данность, снимаемая не на уровне правотворчества, а на уровне отдельной, вторичной по отношению к норме коммуникативной операции – операции ее адаптивной ретрансляции конкретному непрофессиональному адресату в конкретном правоприменительном контексте.

В заявленном отношении необходимо провести принципиальное разграничение, образующее теоретическое ядро рассматриваемой проблемы: между адаптивной ретрансляцией и семантической редукцией нормы. Адаптивная ретрансляция есть операция, сохраняющая денотат нормы – совокупность ее нормативно значимых признаков – при изменении лишь языковой формы его выражения. Семантическая редукция есть операция, при которой изменение языковой формы влечет утрату либо искажение части денотата: исключение квалифицирующего признака, смешение форм вины, подмену оценочного понятия его частным случаем. Первая операция юридико-технически допустима и, более того, необходима; вторая – недопустима ни при каких обстоятельствах, поскольку означает не разъяснение права непрофессиональному адресату, а фактическую его подмену иным, юридически не тождественным содержанием.

Триада юридико-технических императивов адаптивной ретрансляции нормы

Центральным теоретическим результатом настоящего исследования является выявление и систематизация трех императивов, которым должна отвечать всякая операция адаптивной ретрансляции нормы независимо от конкретной формы правовой коммуникации, в которой она осуществляется.

Первый императив – *денотативное тождество нормы* (norma manet eadem: норма остается тождественной себе). Данный императив требует, чтобы адаптация языковой формы правового предписания ни при каких условиях не изменяла объем регулируемого им состава: не расширяла и не сужала совокупность квалифицирующих

признаков, форм вины, целей, мотивов, обстоятельств, исключающих преступность деяния или ответственность, а равно объем процессуальных гарантий, связанных с применением разъясняемой нормы. Нарушение этого императива мы обозначаем как дефект денотативного смещения: адресат получает не адаптированную, а фактически иную, юридически не тождественную норму, и основанное на ней волеизъявление коллегии лишено надлежащей правовой основы. Именно требование денотативного тождества образует юридико-техническую границу между допустимой заменой термина описательной конструкцией и недопустимой бытовой парафразой, изменяющей нормативное содержание.

Второй императив – *перцептивная конгруэнтность,* то есть соответствие избранных языковых средств когнитивному горизонту конкретного непрофессионального адресата. Данный императив не тождественен требованию простоты как таковой: избыточное упрощение так же нарушает перцептивную конгруэнтность, как и избыточная терминологическая насыщенность, – в обоих случаях адресат оказывается неспособен воспринять действительное содержание разъясняемой нормы, хотя причины этой неспособности противоположны (в первом случае – фрагментарность и неполнота образа нормы, во втором – терминологическая непроницаемость текста). Юридико-технически перцептивная конгруэнтность достигается не заменой термина, а построением функционального эквивалента понятия – такой описательной конструкции, которая воспроизводит распознающие признаки юридического понятия в форме, доступной адресату, не обладающему специальным образованием, но не редуцирует их число.

Третий императив – *аксиологическая нейтральность правовой коммуникации*. Он требует, чтобы разъяснение нормы не сопровождалось скрытым ценностным или доказательственным воздействием на волю адресата в пользу одной из процессуальных позиций. Применительно к напутственному слову данный императив прямо институционализирован процессуальным законом: ч. 6 ст. 340 УПК РФ предоставляет сторонам право заявить возражения в связи с содержанием напутственного слова по мотивам нарушения принципа объективности и беспристрастности председательствующего. Существенно, что аксиологическая нейтральность не тождественна информационной пассивности: председательствующий не вправе умолчать о существенных для дела обстоятельствах под предлогом сохранения нейтральности – нейтральность требует симметричного, а не избирательного освещения позиций сторон.

Между первым и вторым императивами существует внутреннее диалектическое напряжение: требование сохранить полный нормативный объем понятия толкает к использованию точной юридической терминологии, тогда как требование обеспечить перцептивную конгруэнтность толкает к отказу от такой терминологии в пользу общедоступного языка. Данная антиномия неустранима, поскольку она может быть снята лишь в каждом конкретном акте коммуникации через нахождение функционального эквивалента, о котором говорилось выше: языковой конструкции, воспроизводящей все юридически значимые признаки понятия при отсутствии терминологической формы. Способность к построению таких эквивалентов и составляет содержательное ядро юридической техники адаптивной ретрансляции, отличающее ее от простого пересказа закона.

Соответственно нарушение каждого из трех императивов образует самостоятельный вид технико-юридического дефекта адаптивной ретрансляции: дефект денотативного смещения (нарушение первого императива), дефект перцептивной непроницаемости – как терминологической перегрузки, так и избыточной редукции (нарушение второго императива), и дефект аксиологической асимметрии, проявляющийся в неравномерном, интонационно или структурно акцентированном изложении позиций сторон (нарушение третьего императива). Практическое значение предложенной триады состоит в том, что она задает единый теоретический критерий для квалификации самых разнородных на первый взгляд процессуальных нарушений, связанных с содержанием напутственного слова, – критерий, позволяющий отграничить дефекты формы разъяснения от дефектов его правового содержания.

Напутственное слово присяжным заседателям как институционализированная форма адаптивной ретрансляции нормы

Согласно ст. 340 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации председательствующий обязан напомнить исследованные с участием присяжных доказательства без их оценки, разъяснить подлежащий применению уголовный закон, напомнить содержание обвинения и позиций сторон, разъяснить основные правила оценки доказательств, сущность принципа презумпции невиновности, порядок вынесения вердикта, а также предупредить коллегию об обстоятельствах, не подлежащих учету при принятии решения. Уже сам перечень предписанных законом операций демонстрирует, что напутственное слово по своей юридической природе есть не факультативное напутствие в бытовом смысле слова, а обязательный, нормативно детализированный акт ретрансляции профессионально сформированного правового содержания непрофессиональной коллегии, наделенной при этом властным полномочием вынесения обязательного для суда вердикта.

Институциональная уникальность напутственного слова как объекта теоретико-правового анализа определяется тремя обстоятельствами.

Оно является, во-первых, единственной устной формой правовой коммуникации, дефектность которой процессуальный закон прямо связывает с отменой итогового судебного акта; во-вторых, коммуникацией принудительной и одноразовой – коллегия присяжных не вправе прервать председательствующего, задать уточняющий вопрос в произвольный момент либо потребовать повторения; в-третьих, коммуникацией, в рамках которой адресат (присяжные) в течение непродолжительного времени превращается в квазиадресанта – субъекта, самостоятельно применяющего воспринятую норму к установленным фактическим обстоятельствам. И.Я. Фойницкий обоснованно характеризовал профессионального судью применительно к присяжным как их юридического руководителя [7, с. 123], однако данная характеристика нуждается, на наш взгляд, в технико-юридическом уточнении: руководство это осуществляется не посредством властного разрешения дела, а исключительно посредством операции адаптивной ретрансляции, результат которой – сформированный у присяжных адекватный правовой образ подлежащего применению закона.

Функциональное назначение напутственного слова раскрывается через триаду взаимосвязанных функций. Функция нормативной ориентации состоит в формировании у присяжных минимально необходимого и юридически корректного образа подлежащей применению нормы уголовного и уголовно-процессуального закона – без такого образа коллегия физически лишена возможности соотнести установленные факты с требуемой законом квалификацией. Функция процессуального очищения состоит в исключении из массива значимой для присяжных информации сведений, не подлежащих учету при вынесении вердикта, притом что такое исключение должно быть не абстрактным заклинанием, а указанием на конкретные, ранее прозвучавшие в процессе эпизоды. Функция легитимации состоит в подтверждении того, что итоговый вердикт вынесен на надлежащей правовой платформе, а не на основе произвольного, юридически не выверенного представления коллегии о содержании закона; данная функция имеет прямой конституционно-правовой резонанс, поскольку без нее участие граждан в отправлении правосудия, предусмотренное статьей 32 Конституции Российской Федерации [8], утрачивает связь с принципом законности и вырождается в квазиправосудие, основанное на случайном стечении представлений непрофессиональной коллегии.

Техника адаптивной ретрансляции, будучи по определению творческой деятельностью, предполагающей самостоятельный выбор председательствующим языковых средств и последовательности изложения, тем не менее не является актом свободного усмотрения. Ее пределы заданы двумя группами гарантий.

Процессуальные гарантии реализуются через институт возражений сторон на содержание напутственного слова (ч. 6 ст. 340 УПК РФ), который следует рассматривать не как частный технический механизм, а как единственный предусмотренный законом момент, в который стороны вправе указать на дефектность произведенного разъяснения до удаления коллегии в совещательную комнату. Отсутствие сопоставимого механизма обратной связи в иных формах правовой коммуникации с непрофессиональным адресатом составляет, на наш взгляд, существенный технико-юридический пробел соответствующих процессуальных институтов, заслуживающий отдельного исследования.

Материальные гарантии заключаются в том, что толкование права, предшествующее разъяснению, само носит субсидиарный, обслуживающий характер по отношению к дискреционным полномочиям коллегии присяжных при разрешении вопросов факта и виновности [9, с. 95]: председательствующий не вправе конструировать содержание разъяснения произвольно, а обязан опираться на действительную структуру подлежащего применению нормативного массива, включая системные связи между нормами уголовного и уголовно-процессуального закона.

Институт участия представителей народа в отправлении правосудия имеет в отечественном праве давнюю генетическую традицию [10], а вопрос о соотношении толкования права и разъяснения его содержания коллегии присяжных сохраняет актуальность на всем протяжении существования данного процессуального института, что свидетельствует не о случайности, а о структурном характере рассмотренной в настоящей статье проблемы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие теоретические выводы. Разрыв между профессиональной правовой коммуникацией и коммуникацией с непрофессиональным адресатом образует самостоятельный технико-юридический предмет – операцию адаптивной ретрансляции нормы, качественно отличную как от правотворческой юридической техники, так и от толкования права в его классическом, обращенном к профессиональному правоприменителю понимании. Данная операция подчинена триаде юридико-технических императивов – денотативному тождеству нормы, перцептивной конгруэнтности и аксиологической нейтральности, – находящихся между собой в отношении диалектического напряжения, снимаемого через построение функциональных эквивалентов юридических понятий. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных выступает наиболее институционально развитой и процессуально гарантированной формой такой операции, что делает разработанную модель верифицируемой и, вместе с тем, применимой за

пределами собственно суда присяжных – к разъяснению прав задержанному и обвиняемому, к правовому информированию участников иных видов судопроизводства, к юридико-техническому проектированию цифровых правовых сервисов, объясняющих гражданину правовые последствия совершаемых им действий. В каждом из этих случаев качество адаптивной ретрансляции нормы перестает быть вопросом стилистики и становится, как показывает рассмотренный материал, условием реализации самого права – будь то право на участие в отправлении правосудия, право на защиту или иное конституционно значимое правомочие непрофессионального адресата правовой коммуникации.

Список литературы:

[1] Белов, С. А. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / С. А. Белов, К. В. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 610-625.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

[3] Бабаев, В. К. Теория государства в схемах и определениях: учебное пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. – М., 1999. – 250 с.

[4] Бахвалов, С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): специальность 12.00.01 – «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: дис. … канд. юрид. наук / Бахвалов Сергей Владимирович. – Нижний Новгород, 2006. – 272 с.

[5] Стус, Н. В. Профессиональное правосознание судей: проблемы и тенденции / Правосознание и правовое регулирование в России: коллективная монография / Отв. ред. М. А. Гусарова, В. В. Ковалева. – Краснодар: ООО «Издательский Дом – Юг», 2024. – 178 с.

[6] Лушников, П. В. Правовая коммуникация и ее участники: теоретический аспект / П. В. Лушников // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 369-378.

[7] Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная Польза», 1912. – Т. 1 – 312 с.

[8] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

[9] Стус, Н. В. Толкование права в форме напутственного слова председательствующего судьи присяжным заседателям / Н. В. Стус // Власть Закона. – 2023. – № 4(56). – С. 95-103.

[10] Стус, Н. В. Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт / Н. В. Стус // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46, № 2. – С. 376-384.

References:

[1] Belov, S. A. The Intelligibility of Legal Texts: A Fiction or a Presumption? / S. A. Belov, K. V. Tarasova // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. – 2019. – Vol. 10, No. 4. – pp. 610–625.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.

[3] Babayev, V. K. Theory of the State in Diagrams and Definitions: A Study Guide / V. K. Babayev, V. M. Baranov, V. A. Tolstik. – Moscow, 1999. – 250 p.

[4] Bakhvalov, S. V. Legislative Technology (Selected Theoretical and Methodological Issues): Specialty 12.00.01 – «Theory and History of Law and the State; History of Legal and Political Doctrines»: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Bakhvalov, Sergey Vladimirovich. – Nizhny Novgorod, 2006. – 272 p.

[5] Stus, N. V. Professional Legal Consciousness of Judges: Problems and Trends / In: Legal Consciousness and Legal Regulation in Russia: A Collective Monograph / Eds. M. A. Gusarova, V. V. Kovaleva. – Krasnodar: Izdatelsky Dom – Yug LLC, 2024. – 178 p.

[6] Lushnikov, P. V. Legal Communication and Its Participants: A Theoretical Aspect / P. V. Lushnikov // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. – 2019. – Vol. 29, No. 3. – pp. 369–378.

[7] Foynitsky, I. Ya. A Course on Criminal Procedure: in 2 vols. / I. Ya. Foynitsky. – St. Petersburg: «Obshchestvennaya Polza» Publishing House, 1912. – Vol. 1 – 312 p.

[8] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993, December 25; 2020, July 4.

[9] Stus, N. V. Interpretation of Law in the Form of the Presiding Judge's Instructions to the Jury / N. V. Stus // Vlast Zakona (The Power of Law). – 2023. – No. 4(56). – pp. 95–103.

[10] Stus, N. V. The Resource of Popular Sovereignty in the Development of Justice: The Domestic Experience / N. V. Stus // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. – 2021. – Vol. 46, No. 2. – pp. 376–384.